

ГВИТТОНЕ Д'АРЕЦЦО И ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛА: ПОЭЗИЯ ИС. ПРОПОВЕДЬ

А. В. ТОПОРОВА

В настоящей статье предлагается сопоставительный анализ творческого пути двух, казалось бы, очень разных представителей итальянской культуры: средневекового поэта Гвиттоне д'Ареццо и проповедника эпохи раннего Возрождения Джироламо Савонаролы. В ходе анализа выявляются точки сближения в их мировоззренческих установках и творческом методе. Поэзия и проповедь для них выступают как равноценные жанры религиозной литературы, ставящей перед собой цели христианского воспитания читателей и слушателей.

Итальянская религиозная литература Средних веков и раннего Возрождения обширна и неоднородна. Она представлена самыми разными авторами (богословами, поэтами, прозаиками, проповедниками) и жанрами (трактатами, стихотворными произведениями, письмами, проповедями, священными представлениями). Порой среди этого многообразия прослеживаются удивительные параллели и сближения, как в случае Гвиттоне д'Ареццо и Джироламо Савонаролы — личностей, принадлежащих к разным культурным эпохам, писавшим в разных жанрах и, на первый взгляд, имеющих мало общего.

Гвиттоне д'Ареццо (1235–1294) относится к т. н. сицилийско-тосканской поэтической школе и является самым ярким и талантливым ее представителем. Его авторитет в поэтическом мире был непререкаем, число учеников, последователей и подражателей очень велико. Вполне понятно, что его младшему современнику Данте Алигьери пришлось «отстаивать» свои литературные позиции именно перед Гвиттоне, которого он незаслуженно обвинял в «плебейском», «муниципальном» стиле¹ и — косвенно — в унылом лицемерии².

Поэтическое наследие Гвиттоне (50 канцон и 251 сонет) подразделяют на два периода: до и после 1265 г., когда, находясь на вершине литературной славы, поэт и общественный деятель, придерживавшийся гвельфских убеждений, глубоко переживший смену консервативного общественного уклада жизни новым, прогибеллинским, и добровольно удалившийся в изгнание, оставляет жену и

¹ Данте А. Малые произведения. М.: Наука, 1968. «О народном красноречии» — I, XIII, 1; II, VI, 8.

² В XXIII песни «Ада» среди «унылых лицемеров» мы встречаем *frati gaudenti*, Радующихся Братьев, т. е. членов ордена, к которому принадлежал Гвиттоне.

троих детей и вступает в орден Радующихся Братьев (*frati gaudenti*), или Воинов Пресвятой Девы Марии. С этого времени Гвиттоне подписывается только как «брат Гвиттоне» и сурово осуждает свои прежние любовные стихи, называя их смертельно ядовитыми.

Любовная лирика Гвиттоне характеризуется творческой переработкой провансальских и сицилийских образцов, которая осуществлялась в двух основных направлениях. С одной стороны, воспроизводя обычные куртуазные топосы (служение даме, заверения в верности, мольбы о ее милости и снисхождении, радость и боль любви, восхваление внешних и внутренних достоинств дамы, облагораживающая сила любви и т. д.), Гвиттоне слегка смещает акценты, допускает едва заметную иронию и пародирование, стремится к преодолению принципиальной замкнутости куртуазной традиции. С другой стороны, он предельно усложняет стиль, доводя его до немыслимой ранее изощренности и экспрессии. Даже по сравнению с провансальским *trobar clus* (темным стилем) Гвиттоне с его склонностью к эксперименту и поиску новых форм и комбинаций слов, звуков, рифм, конструкций остается непревзойденным мастером³.

Во второй период творчества Гвиттоне решительным образом меняет ориентацию: порвав с мирской жизнью, он оставляет свои прежние литературные пристрастия, о чем со свойственной ему обстоятельностью заявляет в программной канцоне «*Ora parrà s'eo saverò cantare*» («Теперь станет ясно, смогу ли я петь»). Некогда воспевавший куртуазную любовь, теперь Гвиттоне провозглашает новые взгляды на жизнь и на литературу:

Ma, chi cantare vole e valer bene,
in suo legno, nochier, Diritto pone
e orrato Saver mette al timone,
Dio fa sua stella, [et] inver Lauzor su' à spene:
ché grande onor né gran bene no è stato
acquistato, carnal voglia seguendo,
ma promente valendo
e 'stenendo a viso e [a] pprecchato (16–23)⁴.

Но кто хочет петь и быть достойным,
Ставит кормчим на свой корабль Справедливость,
А к рулю ставит достопочтенную Мудрость,
Бога делает путеводной звездой и устремляет надежду к Его восхвалению:
Ибо великая честь и великое благо
Приобретаются не на пути плотского вожделения,
А в соблюдении достоинства
И воздержании от пороков и греха (пер. здесь и далее мой. — А. Т.).

Сурово осуждая свое прошлое, Гвиттоне не ограничивается общим приговором, но подробно останавливается на отдельных аспектах своего «безумия» (*follia*), как именуется он отныне свой былой стиль жизни и письма. Традиционное курту-

³ Более подробно см. об этом в: *Топорова А. В.* Ранняя итальянская лирика. М., 2001. С. 50–73.

⁴ Здесь и далее цит. по: *Avallè D'A. S.* Concordanze della lingua poetica italiana delle origini. Milano; Napoli, 1992.

азное служение даме он рассматривает теперь как душевную низость, противопоставляя ему божественное служение (сонет «O motto vile e di vil cor messaggio»). Об окончательности выбора Гвиттоне свидетельствует его раскаяние:

Vergognar troppo e doler, lasso!, deggio,
poi fui dal mio principio a mezza citate
in loco laido, dezorrato e brutto...

Увы! Мне подобает стыдиться и скорбеть,
Ибо с начала и до середины моей жизни я пребывал
В отвратительном, бесчестном и ужасном месте
(канцона «Ail, quant' ò che vergogna e che dogli' aggio», 5–7).

Отметим, что почти теми же словами Данте начинает описание своего восхождения к познанию божественных тайн. И как Данте считает долгом рассказать о своем путешествии по загробному миру, так и Гвиттоне, сознавая свое недостоинство учить, чувствует себя, однако, не вправе молчать:

Giustizia predicare a hom fallace,
ai!? Con' mal gli conface!
Tacerò dunque ormai? O che faraggio?
S'eo parlo, senza fallo
Acrescie onta meo fallo;
E se prode alcun parlando faccio,
Danneggio altrui, s'eo taccio,
Per ch'eo parlerò...

Когда грешный человек проповедует справедливость,
О, как это вредит ему!
Значит, я должен молчать? Или что мне делать?
Если я буду говорить, то, несомненно,
Мой стыд усугубится;
Но если, говоря, я приношу хоть какую-нибудь пользу,
То я приношу вред другим, если я молчу,
Поэтому я буду говорить
(канцона «O vera virtù, vero Amore», 189–96).

Употребив глагол «проповедовать», Гвиттоне абсолютно верно определил свой новый поэтический стиль, так как его стихи второго периода представляют собой не что иное, как стихотворные проповеди. Призвание Гвиттоне как поэта-проповедника раскрывалось постепенно; внешним поводом послужило скорее всего его глубокое разочарование в общественной жизни и добровольное изгнание. В канцоне «Gente noiosa e villana» горечь расставания с родным городом переходит в негодование против своих недостойных сограждан:

Gente noiosa e villana
e malvaggia e vil signoria
e giudici pien' di falsia (1–3)

<...>

e como envilia e odio e mal talento
 ciascun ver' l'autro ei porta,
 e c'amistà è morta
 e moneta è 'n suo loco (23–26).

Люди докучливые и ничтожные,
 Злые и низкие властители,
 И судьи, исполненные лжи...
 И как низкие чувства, ненависть и злобу
 Испытывает каждый по отношению к другому,
 И как дружба там умерла,
 А ее место заняли деньги.

В канцоне «Ai lasso!, or è stagion de doler tanto» политические заявления, исполненные чувства горечи и обиды («pianto m'aducie e dolore», 2 — «плач и боль вызывает у меня»; «O!, quando mai mi tenpro / di pianto, di sospiri e di lamento», 16 — «О, когда же я удержусь / от плача, вздохов и жалоб»), сменяются сокрушениями об упадке нравственности аретинцев, которых Гвиттоне хотя и называет подлыми и безумными, львами, медведями, огненными драконами, но тем не менее не отказывается наставить на путь истины, в чем он и видит свое призвание. Со временем политические мотивы исчезнут из его стихов и он полностью перейдет на проповедническую стезю.

Весьма часто Гвиттоне обращается в стихах к конкретным лицам, и подобные обращения выполняют ту же функцию, что и вступление (*introducio*) в проповеди, как оно определялось в средневековых пособиях по искусству сочинения проповеди — *Artes praedicandi*. Его цель — привлечь внимание адресата, пробудить сознание, заставить его воспринимать сказанное как лично к нему относящееся. Нередко для этого Гвиттоне начинает с похвалы своему адресату, упоминает о его достоинствах и лишь затем переходит к разговору о его недостатках, о том, что требует исправления.

Подобно опытному проповеднику, следующему общепринятым правилам построения проповеди, Гвиттоне не забывает ссылаться на античные и средневековые авторитеты, подтверждающие его мысль, прибегает к развернутым сравнениям, риторическим вопросам и восклицаниям, а также к схоластическому акцентированию логических связей между отдельными положениями, развиваемыми им (ср. обилие таких связующих слов, как «во-первых», «во-вторых», «итак», «я говорю», «теперь» и т. п.). Усложненная риторика его любовной лирики нашла наконец свое подлинное применение: несколько упростившись, она стала служить целям убеждения и наставления, эмоционального воздействия на читателей.

Обуреваемый жаждой учительства Гвиттоне обращается не только к отдельным людям, но и ко всему окружающему его обществу, которое он воспринимает как свою «паству». Центральное место среди его религиозных сонетов занимает цикл, посвященный смертным грехам и противоположным им добродетелям. Цикл имеет симметричную структуру. В первой части оплакивается

человеческая склонность ко греху, обличаются неведение и «плотское знание», перечисляются основные грехи, каждому из которых посвящено по сонету: гордость, скупость, сладострастие, зависть, чревоугодие, уныние, гнев, тщеславие, малодушие, несправедливость. Во второй части восхваляются добродетели и подлинное ведение и перечисляются соответствующие вышеназванным грехам добродетели: смирение, щедрость, целомудрие, дружба, умеренность, добрая воля, кротость, милосердие, подлинная слава (в Боге), сила духа, справедливость. Завершается цикл тремя сонетами, суммирующими это противопоставление и возводящими его к более общей оппозиции добра и зла, Бога и дьявола, Рая и Ада. Типологически этот цикл сонетов близок к весьма распространенным в Средние века «суммам» пороков и добродетелей, создаваемых в помощь проповедникам (наиболее популярное среди них сочинение — «Сумма пороков и добродетелей» («Summa de vitiis et virtutibus») доминиканца Гийома де Пейро, проповедовавшего в долине Роны).

Подводя итог жизненному и творческому пути Гвиттоне д'Ареццо, можно сказать, что его основным пафосом было стремление к реформированию, совершенствованию того материала, к которому он обращался, будь то куртуазная лирическая традиция или нравы его сограждан-аретинцев, собственная душа, а также души других заблудших, с которыми он стремится поделиться собственным опытом. Поэтому можно считать программными следующие слова из его канцоны «Vergogno ò, lasso! Ed ò me stesso ad ira» (73–75):

Come al lavorator la sappa è data,
è dato el mondo a nnoi, non per ghaudere,
ma per esso etternal vita 'quistare.

Как работнику дана мотыга,
Нам дан мир
Не для того, чтобы веселиться,
Но чтобы через него завоевать вечную жизнь.

Именно эта особенность сближает Гвиттоне с доминиканским проповедником Джироламо Савонаролой (1453–1498), также одержимым реформаторским пылом, который в гораздо более значительном масштабе распространялся как на него самого, так и на флорентийцев, на общественную и политическую жизнь, искусство и образование, Церковь и шире — на весь мир. Когда в 1480 г. во Флоренции впервые произнес проповедь (довольно неудачную, по свидетельству современников) прибывший из Болоньи молодой монах-доминиканец, никто и предположить не мог, какую роль он будет играть в этом городе полтора десятилетия спустя.

Вступив в возрасте двадцати двух лет в доминиканский орден, Савонарола в течение семи лет трудится в монастырской тиши: он изучает Священное Писание и святоотеческую литературу, обучает новичиев, размышляет о судьбах Церкви. Несомненно, его главным делом была молитва. То, какое место он отводил ей в жизни христианина, как прочно она слилась с его собственным сердцем, становится ясным из его трактатов о молитве, а также из постоянных

упоминаний о ней в проповедях. Когда Савонарола становится настоятелем флорентийского монастыря Сан-Марко, его главные усилия сосредотачиваются на устройении подлинно монашеской жизни его насельников. Он делает устав монастырской жизни значительно более строгим, настаивает на почти полном отказе от собственности, ревностно следит за исполнением монашеских обетов и приближении монастырской жизни к евангельскому образцу. Савонарола мечтал о строительстве нового небольшого здания монастыря, расположенного за городом, своего рода скита, где можно было бы вести более интенсивную монашескую жизнь, чем в центре большого города. Монашеская жизнь была для него не просто идеалом, а, похоже, единственно правильным христианским выбором; во всяком случае, он пытался внедрить ее принципы не только среди братии монастыря Сан-Марко, но и среди всех флорентийцев. И, удивительным образом, ему это почти удалось.

Хотя и на короткое время — менее чем на четыре года — Савонарола способствовал созданию теократической республики, града Божия, глава которого Христос. И здесь проявились его выдающиеся политические способности. Подготовка к этому процессу совпадает с началом проповеднической деятельности Савонаролы во Флоренции. Вновь и вновь обращается он в проповедях к теме государственного устройства, настойчиво убеждая своих слушателей в необходимости и спасительности демократического пути. От общих рассуждений о недостатках единоличного правления (главный из них — полная зависимость граждан от характера правителя) он переходит к конкретным обвинениям в адрес тирана. Когда же смерть Лоренцо Медичи в 1494 г. и последовавшее вскоре за ней бегство из Флоренции его наследника Пьеро в связи с вступлением в нее войска Карла VIII резко изменили политическую ситуацию, Савонарола, как ловкий политик, воспользовался создавшимся положением дел для проведения в жизнь давно лелеемых им планов общественного устройства. Все политические преобразования первоначально излагаются им в проповедях, принятию каждого закона как правило также предшествует проповедь Савонаролы на соответствующую тему. Опыт политической деятельности Савонаролы обобщен в его «Трактате об управлении городом Флоренцией» («Trattato circa il reggimento e governo della città di Firenze», 1498), который высоко оценивали Макиавелли и Гвиччардини. В нем Савонарола объясняет, почему республиканское правление является оптимальным для Флоренции, и мотивирует неприемлемость тирании как государственного устройства. Он анализирует нравственные качества тиранов, которые исключают возможность справедливого и добродетельного правления.

Савонароле удается изменить не только политический строй Флоренции, но и образ жизни флорентийцев. Известно, что под влиянием его проповедей многие юноши из знатных семей принимали монашество, женщины стали скромнее одеваться, многие щедро творили милостыню, усиленно молились, изучали Священное Писание. Были организованы особые объединения детей (*fanciulli*), помогавших Савонароле в его деятельности и в распространении его идей: например, они участвовали в «сожжении суеты», в изгнании проституток с городских улиц. Пытался Савонарола создать аналогичные «женские» обще-

ства, но это предприятие, как слишком смелое и нетрадиционное, ему не удалось. Савонарола справедливо усматривал опасность для христианского образа жизни в ежегодных карнавалах, носивших языческий характер и отличавшихся разнузданностью. Поскольку флорентийцы были к ним очень привязаны, то их отмена могла бы вызвать всеобщее недовольство. Савонарола же смог преобразовать карнавал в религиозное празднество, сохранив нечто от прежней формы — процессии, распевание песен. Но теперь распевались не светские песни, а религиозные гимны: вместо песен Лоренцо Медичи звучали лауды, сочиненные Савонаролой. Кульминационным моментом этих празднеств стало «сожжение суеты» — карнавальных атрибутов, роскошной одежды, а также ряда книг и картин. В этих акциях погибли и некоторые произведения искусства, например одно из полотен Боттичелли, но надо помнить, что инициатива их уничтожения принадлежала самим художникам, а не Савонароле.

Интересен отзыв Максима Грека, побывавшего во Флоренции и оставившего свои воспоминания о доминиканском проповеднике — «Повесть о Савонароле» («Повесть страшная и достопамятная и о совершенной иноческой жизни»). В ней Максим Грек отмечает, что, хотя Савонарола и был «латинянин по происхождению и по вере», но был исполнен «всякой премудрости и понимания боговдохновенных Писаний и внешней науки, т. е. философии, подвижник великий и украшенный божественной ревностью». И далее: «И такое действие произвела проповедь его, что большая часть города, полюбив твердые и спасительные поучения его, отказалась совершенно от злобы и лукавства и полюбила вместо всякого блуда, и постыдных дел, и плотской нечистоты всяческое целомудрие и чистоту, а неправедный, и лихоимец, и ростовщик сделались все праведнейшими, и милостивыми, и человеколюбивыми. А некоторые из них, подражая Закхею, начальнику мытарей, упоминаемому в Евангелии, зло и неправедно собранные ими имения добровольно раздавали нуждающимся руками учителя своего. Скажу попросту, чтобы, говоря обо всех по порядку его деяниях, не наскучить читателям рассказа этого, — большая часть города превратилась из последователей великой злобы в настоящий образец достохвальной добродетели»⁵.

Реформаторский пыл Савонаролы не мог не распространиться и на сам жанр проповеди. Подобно тому как Гвиттоне д'Ареццо, опираясь на традицию куртуазной лирики, смог изменить ее и приспособить к новым целям, так и Савонарола, обращаясь к привычным для проповеди темам, трактует их иначе, ставит акценты на аспекты, которые обычно не выделялись проповедниками. Так, все проповедники говорили об исправлении пороков и о покаянии как необходимом средстве к тому. Савонарола предлагает иной подход: он говорит не просто об исправлении пороков и борьбе с грехами, а о чистоте сердца и уже как следствии этого — о чистоте жизни. Он постоянно сосредотачивает внимание на внутренней жизни, а не на соблюдении внешних предписаний. Традиционное противопоставление материального и духовного мира приобретает у него принципиальный характер; причем к материальному, внешнему, он относит и то, что

⁵ Сочинения Максима Грека / Подгот. текста, пер. и коммент. Д. М. Буланина. Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). [Электронный ресурс]. URL <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?>...

другие проповедники относят к духовному. Внешнее соблюдение христианских обрядов для него является не положительным, а отрицательным фактом, если оно не сопровождается внутренним преображением.

Подлинное христианство заключается именно во «внутреннем культе», в чистоте сердца. Цель человеческой жизни, неоднократно заявляет Савонарола, — это созерцание первичной истины, Бога, а для этого необходимо не только чистое сердце, но и христианское рвение. Отсюда возникает характерное для проповедей Савонаролы противопоставление ревностных (*ferventi*) и равнодушных, теплохладных (*tiepidi*) христиан. Последним Савонарола посвящает не одну гневную филиппику. В теплохладности христиан Савонарола видит характерную черту своего времени и поэтому считает необходимым обличать этот порок, как ранее проповедники обличали ересь. Главными средствами борьбы с ним являются молитва и любовь. О них Савонарола постоянно напоминает своим слушателям. Он призывает их к непрестанной молитве, к молитве внутренней, особо подчеркивая, что молитва устная, «внешняя», нужна лишь как средство достижения «внутренней», умной молитвы. Именно такая молитва очищает сердце и приближает человека к Богу.

Он настойчиво убеждает свою паству постоянно прибегать к молитве. Савонарола учит флорентийцев всю надежду возлагать на промысел Божий, на Бога, обращаться к Нему, и Он не замедлит с ответом — не устает уверять своих теплохладных слушателей проповедник. Он ставит перед ними и более высокие задачи: не просто просить Бога о помощи в своих делах, но и непрестанно благодарить Его, именно такую молитву считая самой важной и необходимой для всех людей. Далеко не все проповедники столь усердно проповедовали необходимость молитвы; и уж тем более учили искусству молитвы, включая высшие ее стадии — умную молитву. Савонарола не делает никаких поблажек: молитва в ее подлинном, глубинном виде необходима всем без исключения.

Другая тема, постоянно звучащая в проповедях Савонаролы, — христианская любовь и единство — также не была новой. Непривычной, как всегда, была высота поставленных задач. Как правило, говоря о любви, проповедники оттаивались на ее «практических» аспектах: необходимости примириться с врагами и простить их (чаще всего такие призывы делались в контексте весьма немирной коммунальной жизни); или не обманывать ближнего, не превозноситься над ним, оказывать милость неимущим, так как Господь заповедал любить своего ближнего. Обо всем этом говорит и Савонарола, но в основе его рассуждений лежит христианское представление о любви, ставшее глубоко личным убеждением и опытом. Призывая к миру в контексте политического переустройства Флоренции, Савонарола всегда исходит из христианского понимания любви.

Традиционно инвективы проповедников были направлены на гордецов, сребролюбцев, ростовщиков, немилосердных по отношению к ближнему. Есть эти мотивы и у Савонаролы. Но его принципиальное отличие от собратьев на этом поприще заключается в том, что главным объектом обличения у Савонаролы становится Церковь и ее служители. Здесь, как, впрочем, и в других вопросах, доминиканский монах негибает и нелицеприятен. Общие призывы к обновле-

нию Церкви (*renovatio Ecclesiae*), особенно часто звучащие в цикле проповедей на книги Руфь и Михея, сменяются конкретными обвинениями. Савонарола подробно останавливается на непорядках в церковной жизни, говорит о таких грехах служителей Церкви, о каких никогда прежде не говорилось с проповеднической кафедры. Он не боится обличать самого Папу Римского, напротив, как глава Церкви тот становится основной мишенью его обличений. Обличение недостойных священнослужителей — одна из основных тем в проповедях Савонаролы последних лет. Савонарола безжалостно клеймит Церковь за нарушение обетов бедности и целомудрия, за любовь к мирским благам, за обман, лицемерие и равнодушие (теплохладность):

«Вот ты видишь священника, публично играющего, ходящего по тавернам, держащего сожительницу и творящего тому подобные беззакония»⁶; «В первоначальной церкви сосуды были деревянные, зато прелаты были золотые. Теперь же церковь имеет сосуды из золота, зато прелатов из дерева»⁷; «Я говорю тебе, церковь, ибо так говорит Иезекииль, говорит речи, которые приложимы ко многим. Тебе, церковь, следует сказать: поди сюда, злодейка церковь! Я дал, тебе говорит Господь, красивые одежды, а ты из них сделала себе кумир. Из сосудов ты сделала себе предмет гордости, из таинств — предмет торговли. В роскоши ты стала бесстыдной блудницей. Ты впала в беззакония — и это всем известно. Я верил, что одни из этих беззаконий несколько умерят другие. Ничего подобного. Ты стала дьяволом, ты хуже животного, ты отвратительное чудовище... “И после всех злодеяний твоих — Горе. Горе тебе! — говорит Господь Бог”. Запятнавшая себя злодеяниями, с тобой будет то же после всех твоих скверн. Горе, горе! Чаша твоя полна. Дальше некуда идти в злобе твоей. Горе тебе за духовные твои грехи, горе за плотские, горе первым, горе главам, горе прочим, горе всем, ибо нет у тебя ничего, кроме горя»⁸.

Он решительно осуждает систему церковных бенефициев, созданную для финансовой поддержки Церкви, но использовавшуюся священнослужителями для личного обогащения. Не меньший гнев проповедника вызывает симония — повсеместная в ту эпоху практика купли-продажи церковных должностей. Как известно, особенно славился этим кардинал Родриго Борджиа, именно таким путем ставший папой Александром VI. Не называя имен, Савонарола решительно осуждает этот грех. Он также обвиняет клириков в стремлении получить как можно больше церковных должностей с целью увеличения доходов.

Но что еще более поражало современников Савонаролы, многие из которых разделяли его взгляды на положение дел в Церкви, это открытое противостояние доминиканца Папе Римскому. Савонарола не просто пренебрегал запретами на проповедь, исходившими от Папы, но и публично объявлял их недействительными, противоречащими воле Божией и продиктованными дьяволом. В последнем цикле проповедей — на книгу Исхода — Савонарола, нарушая папский запрет на публичные выступления, то заявляет, что Папу обманули, неверно пред-

⁶ *Виллари П.* Джироламо Савонарола и его время / Пер. с итал. Д. Н. Бережкова. М., 1995 (Репринт изд. 1913 г.). Т. 2. С. 212.

⁷ Там же. С. 217.

⁸ Там же. С. 263.

ставив ему ситуацию, то объявляет еретиком каждого, кто верит в силу папского отлучения. Трагический парадокс этой ситуации заключался в том, что, будучи прав по сути дела, проповедник вел себя неканонически и уподоблялся в этом еретикам. Таким образом, Савонарола не просто вводит в проповедь запретную тему нестроений в Церкви, но развивает ее до такой степени, что неизбежно возникает вопрос о границах этого «церковного» жанра, из орудия воздействия Церкви на паству превратившегося в средство расшатывания самой Церкви.

Совершенно особое место занимает в проповедях Савонаролы политическая тема. Политика становится у него содержанием проповедей. Наиболее яркий пример тому — цикл проповедей на книгу пророка Аггея, прочитанный им в ноябре—декабре 1494 г., в один из самых драматических моментов в истории Флоренции, когда ее судьба как самостоятельного государства висела на волоске. Собственно говоря, к теме Рождества Христова и подготовки к нему эти проповеди имеют лишь косвенное отношение. Зато они вполне соответствуют требованиям политического момента, переживаемого Флоренцией. Савонарола избирает небольшую книгу пророка Аггея в качестве объекта толкования, разумеется, не случайно. Аггей был пророком возрождения Иерусалима, он призывал к восстановлению Храма и стен Святого города. Савонарола же проповедовал необходимость нравственного возрождения и, как его части, восстановления республики. Он сам проводит аналогию между двумя историческими эпохами: «*Aggeo predicava a quelli che non volevano riedificare el tempio di Dio... Così io predico a voi e dico che voi dobbiate riedificare e riformare la vostra città ed il vostro reggimento*»⁹ («Аггей проповедовал тем, кто не хотел вновь воздвигнуть храм Божий... Так и я проповедую вам и говорю, что вы должны воссоздать и реформировать ваш город и ваше правление»). Савонарола указывает на сходство ситуаций, в которых проповедовали Аггей и он, Савонарола. Ветхозаветный пророк проповедовал после возвращения евреев из Вавилонского плена. Савонарола проповедует после освобождения флорентийцев из плена тирании Медичи. Свою задачу он видит в утверждении нового политического устройства во Флоренции.

Если Гвиттоне д'Ареццо, вступив на путь религиозной жизни, отошел от участия в политике и соответственно от рассуждений на политические темы в своих стихах, то Савонарола, напротив, постоянно указывает в проповедях на неразрывную связь политики с нравственностью. Его рассуждения на эту тему строятся по следующей схеме: злой человек, погрязший в грехах, несвободен, он раб дьявола и, следовательно, не может быть хорошим гражданином и служить своему городу. Единственный выход — покаяние, это сквозная тема проповедей Савонаролы. Только через покаяние возможно стяжать милость Божию и благодать. Но, подчеркивает Савонарола, получив прощение, надо и самим быть милостивым к ближнему. И здесь проповедник вновь обращается к политической ситуации, призывая оказывать милость политическим врагам, простить сторонников Медичи, как Господь простил Флоренцию и избавил ее от французов.

⁹ *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo / A cura di L. Firpo. Edizione Nazionale. Roma: Bellardetti, 1965 (далее — Aggeo). P. 305.*

Важным понятием является для Савонаролы *bene commune* — общественное благо. Вслед за Фомой Аквинским о нем говорили многие проповедники. Но Савонарола употребляет его не просто как уже несколько стершийся социально-политический термин, а включает его в нравственно-религиозную перспективу. Подлинная забота об общественном благе возможна лишь тогда, когда человек внутренне обновится, перестанет искать своей выгоды — в чем проповедник постоянно упрекает как клир, так и мирян — и станет следовать заповедям Божиим. Хороший горожанин должен иметь страх Божий, должен одновременно быть горожанином Небесного града, черпать свою мудрость от Бога. Таким образом, только истинный христианин может принести пользу обществу. Политика оказывается приближенной к Царствию Божию.

Савонарола не раз напоминает флорентийцам, что подлинный глава их города — Господь, и государство будет сильным, только если в его основании будут лежать нравственные принципы. Он опровергает известную флорентийскую поговорку, гласящую, что государством нельзя управлять с помощью молитв: «...e tu non lo credi questo e di' che le città e lo Stato non si governa con paternostri nè con le orazioni... Le tirannie son quelle che non si vogliono governare colle orazioni, nè col ben fare, ma lo Stato del populo di Dio sempre s'è governato colle orazioni e col ben vivere»¹⁰ («...не верь этому и не говори, что городами и Государством не управляют с помощью “Отче наш” и прочих молитв... Это при тирании правят без молитв, а Государством народа Божия всегда правят с помощью молитв и добродетельной жизни»).

Савонарола — человек одной идеи. Его цель — всеобщее обновление: сердец, Церкви, общества, государства. Изменяет он и литературные каноны. Важной особенностью проповеднической деятельности Савонаролы является пророческий статус, который он себе приписывал и который одновременно восхищал и смущал его современников. Оставляя в стороне болезненную и трудноразрешимую проблему истинности пророческого дара Савонаролы и возникающий в этой связи вопрос: кем был Савонарола — пророком, не признанным в своем отечестве, или еретиком, закономерно окончившим жизнь на костре, отметим, что сам Савонарола не сомневался в истинности, величии и ответственности своего призвания. Он ощущал свое родство с ветхозаветными пророками, и не случайно основные циклы его проповедей посвящены толкованию книг ветхозаветных пророков — Аггея, Амоса, Захарии, Иезекииля, Михея. Перу Савонаролы принадлежит также теоретический трактат «Диалог об истинности пророчеств» («*Dialogus de veritate prophetica*»), в котором он исследует феноменологию пророческого статуса в целом, а также предлагает апологию собственного пророческого дара. Именно «пророческая» составляющая проповедей Савонаролы делает некоторые их образцы подлинно поэтическими. Пророк, проповедник, поэт сливаются воедино. Интересно, что та же особенность свойственна и Гвиттоне д'Ареццо, хотя и в значительно меньшей степени. Вероятно, именно его склонность к учительству и назидательно-профетические интонации и раздражали Данте, который сам ощущал в себе то же призвание поэта-пророка, но понимал его иначе.

¹⁰ Aggeo. P. 417.

Сопоставление фигур Гвиттоне д'Ареццо и Джироламо Савонаролы позволяет выявить ряд общих черт как в структуре их личностей, так и в их творческом методе. Это склонность к реформированию или, говоря точнее, к творческому преобразению в христианском духе окружающей действительности; общественно-политический пафос; учительно-пророческий тон; поэтическое вдохновение. В результате оказывается, что столь разные жанры, как стихотворение и проповедь, сближаются, «взаимопроникают» и начинают исполнять одну и ту же функцию христианского воспитания читателей и слушателей.

Ключевые слова: средневековая литература, итальянская религиозная литература, поэтика проповеди, итальянская лирика, Гвиттоне д'Ареццо, Джироламо Савонарола.

GUIITONE D'AREZZO AND GIROLAMO SAVONAROLA: POETRY VS. SERMON

A. TOPOROVA

In this paper, we make a comparative study of the work of two very different (or so it would seem at first glance) Italian men of letters: the medieval poet Guittone d'Arezzo and the Early Renaissance preacher Girolamo Savonarola. Our analysis shows that their world views and literary methods have a lot in common. The *courtois* poet Guittone becomes a preacher, while the preacher Savonarola addresses his congregation with a truly poetic inspiration. Poetry and sermon appear as comparable genres of religious literature with a common aim: the Christian education of readers and listeners.

Keywords: medieval literature, Italian religious literature, poetics of the sermon, Italian poetry, Guittone d'Arezzo, Girolamo Savonarola.